

КРАСКИ ВРЕМЕНИ

МОИ собеседник, Адольф Гофмейстер, и мил, и знаменит. И у него гостей бывает в доме много... Эти строки Сергея Есенина как нельзя лучше отражают необычайно общительный и гостеприимный характер чехословацкого художника, писателя, бывшего дипломата, общественного деятеля, наблюдательного публициста, профессора, лекции которого пользуются необычайным успехом в среде студентов. Кто только не посещал его вместительную квартиру-музей на улице Спалена!

Не успел я переступить порог и осмотреться, как Гофмейстер начал свои комментарии:

— На этой кушетке отдыхал Владимир Владимирович. Да, да, Маяковский. Он был человеком практичным. Кушетка-то длинная. Вот и выбрал ее. Снял ботинки и почивал. Работать мог сутки, а на отдых отводил час. Мы с ним общались и в Праге, и в Париже, и в других местах.

Отошел к стеллажам, вскарабкался по лестнице, достал книгу и подал мне. «150.000.000» — поэма Маяковского с дарственной надписью автора. Размашистый почерк поэта. Для хозяйки любая вещь — кусочек прожитого, она ассоциируется с кем-то и с чем-то, служит отравным моментом в рассказе, узлом, который надо развязывать памятью, воображением. Владимир Владимирович, оказываясь, открывал выставку рисунков Адольфа Гофмейстера в Париже. Это относится к 20-м годам нашего века. Одна полка заставлена томами первого издания Дидро: подарок Поля Элюара. Ну как же, были близкими друзьями! Письма от Пабло Пикассо, от Жан-Поля Сартра, маски, вывезенные из Канра, из Латинской Америки, картины — и свои и товарищей по кисти, прожигающих чужь ли не во всех концах мира. Самое свежее впечатление — от краткого пребывания Ильи Эренбурга в Праге. Заходил. А потом пошли в книжный магазин, где советского писателя ожидала очередь жаждущих автографа.

Слегка увлечется, забудется и пойдет изъясняться об итальянце на итальянском, о французе — на французском, о немце — на немецком. Владеет всеми европейскими языками. Слов нет, важный, но не решающий признаков деятеля культуры такого масштаба. В нем есть нечто значимое: он человек большого размаха. На его глазах,

через его сердце и ум прокатились события, равные половине века. Мудрая терпимость, доброжелательность, готовность исправить положение, если это вызывается необходимостью, не «поучением», а тактичным, я бы сказал, эlegantным советом признанного авторитета.

И до встречи с Гофмейстером мне приходилось слышать отзывы о чехословацких художниках. Обиле разного рода школ и направлений. Когда сообщил это мнение, то в ответ было сказано:

— Полагаю, что нет оснований делить наших художников на школы и отдельные течения. Сужу по себе, по опыту своих товарищей, когда говорю, что создается самостоятельную школу, положить начало новому направлению в живописи — дело нелегкое. Наввно и смешно приписывать начинающему живописцу роль основателя чего-то еще не существующего только потому, что он нарисовал свои вещи не так, как это делают другие. Справедливее говорить о наличии разных художников. Разве это плохо? Посмотрим, во что выльется творческое искание. Не каждый росток надо непременно поправлять!

Он мечтает о расцвете социалистического искусства, о нашем ренессансе, о новых именах, творчество которых было бы способно воздействовать на духовную жизнь современного мира. Таких, к примеру, как Коненков, Сарьян, Роден и Ренуар, Микеланжи Агнеси и Кремличка, Фулла и Галаанда. Недавние выставки работ Коненкова в Праге и Сарьяна в Братиславе вновь напомнили о неуядаемом могучем дереве «трезвого реализма». Произведения первостатейных советских мастеров резца и кисти явились для многих посетителей настоящим откровением. Вокруг скульптур Коненкова толпился молодежь. Надо было видеть, как пражские студийцы, пристроившись в сторонке и раскрыв альбомы, белго записали фигуры, изваянные нашим драгоценным патриархом. А краски Сарьяна вызвали восторг у словаков, привыкших любоваться яркими полотнами отечественных живописцев. Одновременно с выставкой Сарьяна Словацкая народная галерея организовала широкий показ работ прославленного, широко известного на Западе художника Людо Фулла. Это была своеобраз-

ная перекличка двух замечательных талантов.

Фулла — художник ищущий, все время продвигающийся вперед. Вероятно, профессией а ль-

ный критик ладит, к чему придраться, глядя на полотна. Кое-где проглядывает влияние французского импрессионизма. Отдана дань, правда, не очень щедрая, и формализму. Но это ни в коей мере не может заслонить словацкой самобытности художника, как бы вросшего в родную ему землю. Какой яркий реализм у этого человека. Слово живые куски красочной и на редкость колоритной Словакии выхвачены им и перенесены на холст. Перед глазами проходит вереница женских образов во всем их многообразии — от простой селянки, убирающей картофель, до мадонны. Диапазон Фулла необычайно широк: изгнание из рая, этот древний и традиционный сюжет, и сцена рыбной ловли на Дунае. Собор парижской богородицы и простенькая хижина словацкого крестьянина, герой народного эпоса Яношик и портрет пастуха, иллюстрации к книгам и графика, натюрморты и интерьеры.

К 20-летию Словацкого народного восстания против фашистских полчищ Людо Фулла написал картину под названием «На память словацким матерям о восстании». Бесспорно, одна из лучших и оригинальнейших работ художника. Изображена женщина во весь рост. Приподнятой правой рукой она вытирает слезы. Темный фон. Женскую фигуру, одетую в траурный национальный костюм, фантазия художника подводит и как бы сталкивает с огромным могильным крестом. Кажется, что словацкая мать застыла на тюремном дворе, в фашистском застенке. Есть в картине и плакатность и символика. Однако главное — воссоздание атмосферы скорби и кровопролитной борьбы словацкого народа в тяжелый период, когда страну захлестнула коричневая чума.

КОНЕЧНО, Фулла многое впитал от того, что идет от Запада в самом общем понимании этого слова. Но он остался гражданином Чехословакии до мозга костей. Об этом убедительно говорят и выбор тем и манера письма, краски и почерк. Между тем Чехословакия выдвинула и таких деятелей литературы и искусства, которые оторвались, с болью или без оной, от родной национальной ветки, перекочевали в другие страны и пустились там корни. Яркий пример — Райнер Мариа Рильке. Кажется странным и маловероятным, что человек, родившийся в

Праге на Индржишской улице, стал впоследствии ведущим немецким поэтом. Пospешные на выводы критики назвали бы подобное явление космополитизмом, что было бы грубой ошибкой. Рильке никогда и ни в чем не изменял родине, не сказал ни единого плохого слова о ней. Больше того, судя по его переписке с друзьями, по воспоминаниям современников, он и в Германии оставался жителем Праги. Вот что писал Франц Верфель, которого судьба также сделала известным немецким поэтом: «Я завел разговор о городе, в котором мы оба родились, о Праге. Рильке, который прожил десятки лет в России, Германии, Париже, не без умиления видел перед собой этот старый город. И он испытывал свою долю того, что унаследовали все пражане неславянского происхождения — двойную и даже тройную бесприютность».

Немецкий поэт с пражским наследием Рильке, тянувшийся к России, наведавший Льва Толстого, переводивший на немецкий язык наших классиков. Он познакомил немецкого читателя со «Словом о полку Игореве». Он написал вдохновенную строку о нашей столице: «Если бы моя душа была городом, она была бы Москвой».

Разностильность в искусстве является наиболее характерной особенностью Праги. Подтверждением служат не только исторические примеры, не тот лишь факт, что здесь выступали и Леопольд Стоковский и Льюис Армстронг: в столице Чехословакии функционируют театры и музыкальные коллективы самых разнообразных профилей.

В Народном театре я видел представление Яначка о Лисичке-плутовке. Перенеслись в мир крыловских басен, где лицедействуют звери и птицы. Воссоздан колорит сказок, поверий, легенд. Прелестны декорации, костюмы. В опере изображено человеческое общество со всеми его хорошими и плохими сторонами. Даже Лисичка-плутовка научилась хитрости и изворотливости от людей, а ее любовные похождения удачно копируют историю, столь знакомые зрителям. Театр имеет своих поклонников, любителей традиционных народных представлений, ценителей неуядаемого чехословацкого юмора, меткого слова.

«Латерна магика», новая звезда на пражском небосклоне — театр иного направления. Сюда валом валит народ. Приобретение билета напоминает спортивный ажиотаж, связанный с международными соревнованиями. Театр уникален, так как ему подобных больше нигде не сыщешь. Стиль представления — необычная подача самых обычных

явлений и фактов современной жизни. Поразительно мастерство режиссеров-постановщиков. Зал оборудован так, что мелодия, песня, диалог, голос, шум мотора, шаг актера, порыв ветра исходят не от одной точки, а обрушиваются на вас отовсюду и слышны совершенно одинаково, на каком бы месте вы ни сидели. Эксперимент состоит в том, что магический фонарь театра выпукло отражает наш век — век необычайного расцвета техники. Но есть наследие цивилизации, непреходящее очарование классики. Начальная сцена объединяет эти два потока. Приземлившийся на аэродроме реактивный самолет катится на зрителя, а на цементной взлетной дорожке грациозные балерины исполняют классический танец.

Театр соткан из непрерывной, порой фантастической игры света и звуков. Сидя в зале, вы становитесь ненасытным, жадным до познаний и трюков — и вы не разочаровываетесь в своих ожиданиях. Каждая сцена — талантливая находка, дань виртуозности этой новой, утверждающейся форме искусства. «Латерна магика» использует подлинное чехословацкое куклы столетней давности, слагает поэму о физкультурном параде, прошедшем совсем недавно, дает жизнь старинному лубку, пародирует режиссера Отелло, сталкивает актера с монументальной скульптурой, установленной на сцене. Картины природы с березками и соловьиными трелями смеяются бешеной гоноккой автомобилю по величественным местам замечательной Праги. Чередуется пантомима и музыка Верди, кинофильм и балет, мрак и свет, абсолютная тишина и невообразимый грохот, запись голоса на пленке и речь ведущего.

Упомяну, наконец, «Черный театр». Он обращен скорее не к чехословацкому посетителю, а к приезжему, к иностранцу, чтобы тот не скучал и не сетовал на то, что в Праге нет так называемой «ночной жизни». Она есть!

Вернусь снова к Адольфу Гофмейстеру: он посетил Советский Союз всего лишь... 28 раз! Он превосходно знает и наши музеи и их фонды, знает наш народ, дружит с нашими писателями и художниками. А сколько в Чехословакии инженеров, врачей, агрономов, партийных работников, людей самых различных профессий, навещающих Советский Союз из года в год! Для них не «безмолвны Кремль и Прага», в этих словах — их жизнь, весь высокий смысл существования.

Так не забудем: мы — Кремль и Прага!

Н. ХОХЛОВ.

ПРАГА—МОСКВА.